

7. Романьоли Р. Лингвокультурная специфика прецедентных единиц русского дискурса, мотивированных историческими событиями и лицами (на материале заголовков печатных СМИ): автореф. дис... канд. филол. наук / Р. Романьоли. – М., 2006.
8. Саплін Ю.Ю. Соціальна семантика слова як об'єкт соціальної та когнітивної лінгвістики / Ю.Ю. Саплін // Актуальні проблеми менталінгвістики: збірник статей за матеріалами V Міжнародної наукової конференції. – Черкаси, 2007. – С. 323–324.
9. Саплін Ю.Ю. Соціолінгвістичні аспекти лексичної синонімії / Ю.Ю. Саплін // Мовознавство. – 1992. – № 5. – С. 40–44.
10. Семенова С.Ю. О языковых контурах портрета социальной личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp=2001vol=6077>.
11. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка / А.А. Уфимцева. – М., 1968.
12. Худолій А.П. Метафора у мові американських публіцистичних текстів / А.П. Худолій. – Острог, 2005.
13. Чудинов А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. – М., 2000.
14. Beetam D. The Legitimation of Power // Atlantic Highlands: Humanities Press International, INK. – 1991. – P. 15–35.

УДК 81'42

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АУТОКОММУНИКАЦИИ

Харченко В.К.

The article develops and illustrates seven principles of auto-communication: formulation, metaphorical qualities, dramatic qualities, topical interest, retrospection, intensification, and implicit formulae of auto-support. The problem of language trust is explored, with special reference to trustworthy abilities for "rewriting" the world by a broadened lexicon of auto-communication.

Key words: auto-communication, inner speech, stress, dramatism, formulation, metaphor, citation.

У статті розроблені та проілюстровані сім принципів аутокомунікації: формульність, метафоричність, драматизм, злободенність, ретроспективність, насиченість, утаємниченість формул самопідтримки. Досліджуються проблеми довіри до мови, зокрема, довіри до здатності "переописувати" світ засобами розширеного словника аутокомунікації.

Ключові слова: аутокомунікація, внутрішнє мовлення, стрес, драматизм, формульність, метафора, цитата.

Под аутокоммунікацією будемо розуміти мову, адресатом якої є сам мовлячий, автор, адресант висловлювання (поняття внутрішньої мови представляється більш широким, ніж той аспект, який згадується нами в зв'язі з дослідженням аутокоммунікації, хоча в принципі не виключена і синонімія використання цих термінів).

То, що людина едва ли не постійно говорить сам з собою "ізсередини" (зовнішньо це не завжди виражено), відомо з глибокої давнини. Автор монографії "Внутрішня мова і мислення" А.Н. Соколов наводить уривок із "Теэтета" Платона: "Мені представляється, що душа, розмішляючи, нічого іншого не робить, як розмовляючи, питаючи себе, відповідаючи, утверджуючи і отрицая. І тоді, коли вона визначила щось, чи швидко або повільно зрозуміла, в узгодженні з собою прийшла і від коливання звільнившись, ми вважаємо це її думкою, так що мати думку, по-моєму, означає говорити, а думка є словесно виражена

мова, але не іншому комусь-будь і не голою, а мовчливо, самому собі" [9, с. 118–119].

М.М. Бахтин писав: "Відчуває чужу мову не немовби існує, а людина, повний внутрішніх слів. Все його переживання, так зване аперцептивний фон, дані на мові його внутрішньої мови і лише постольку стикаються з відчуженою зовнішньою мовою" [2, с. 412].

Де розташована ця внутрішня мова – питання давнє і примітивними відповідями не виснажується. Вот цікаве зауваження Михайла Вартбурга: "Стало бути, вся ця сотня мільйонів шлункових нервових кліток діє автономно, без приказів зверху. Вона сама себе – і нашим внутрішнім – господарям – господарям: вона здатна надіслати власні сигнали в головний мозок, викликаючи в ньому певні відчуття. Це і є наш "внутрішній голос" [4, с. 50]. Нас, однак, цікавить не нейрофізіологія, а лінгвістика і, в частині, метафорична складова внутрішньої мови.

Процесс внутренней речи достаточно часто определяет и форму, и содержание художественного текста, причем литературные герои иногда еще и дополнительно рефлектируют по этому поводу, как, например, Едигей в романе Ч. Айтматова "Буранный полустанок": *"Оказывается, голова человека ни секунды не может не думать. Вот ведь как устроена эта дурацкая штука – хочешь ты или не хочешь, а все равно мысль появляется из мысли, и так без конца, наверно, пока не помрешь!"*

Назовем ли мы предмет своего исследования аутокоммуникацией или сохраним традиционное название "внутренняя речь", для нас, повторяем, это не принципиально. Принципиальнее серия других вопросов: язык это или речь? Вырабатываем ли мы по мере взросления из миллиардов мини-диалогов с самим собой свой язык, и соответствует ли этот язык изменяющимся ситуациям в обществе, и достойно ли, и достаточно ли он нас (меня!) обслуживает, и какие функции выполняет, и на каких принципах строится и должен строиться, и нужно ли его постоянно корректировать, пополняя свежим материалом, и можно ли им управлять?

Проще всего, пожалуй, ответить на вопрос о функциях внутреннего языка или внутренней речи. Выделим три функции: защитную (разрядка, релаксация, снятие стресса, приспособление к постоянно меняющимся ситуациям жизни), далее: ауто-суггестивную функцию (поощряющую, побудительную, стимулирующую, вдохновляющую) и третью функцию – креативную, творческую, поскольку любое творчество – это творчество изнутри. "Чтобы нарисовать бамбук, – писал Су Дунпо (1036–1101), – нужно, чтобы он вырос внутри тебя самого. И только тогда, взяв кисть и пристально вглядываясь в него, ты ощутишь его образ" [7, с. 25]. Равнозначимы в общем творческом макропроцессе и материальное творчество, и духовное творчество, и творчество отношений, и творчество собственного "Я".

Коррекция понимания, подпитка внутреннего говорения происходит и тогда, когда человек не думает об этом. "Интерриоризация социальной действительности через язык означает субъективное "схватывание" схем интерпретации, того, что принимается на веру и не считается проблематичным в данном обществе" [13, с. 31].

Вернемся к проблеме: внутреннее наше говорение – язык это или речь? А если язык, тот ли это язык, который воплощен в словарях и справедливо признан общенародным? Суть проблемы заключается в том, что все готовое, все трафареты речи в

том виде, в каком их используют другие, или как они представлены, например, в СМИ, изнутри, нами же репродуцируемые, на нас подчас неважно работают, и мы вынуждены отбирать и создавать для себя собственный глоссарий, формировать свой базис идеально подходящей для нас аутокоммуникации. Поиск, отбор, запоминание лучшего – это уже приметы не речевого, а языкового уровня переработки внутренних впечатлений.

На каких принципах создается этот язык? (Ответ на этот вопрос и будет выходом на теоретические аспекты заявленной темы).

Первый принцип – формульность, наличие готового блока слов. Выручают нас (а то и спасают!) не только отдельные слова и не только тексты, хотя тексты тоже очень и очень нужны: любимые стихи, заученные афористические миниатюры, целые строфы некоторых песен и, конечно же, древнейшие тексты-целители – молитвы, – выручают нас также формулы бытия, отраженные, во-первых, в крылатых словах, поэтических строчках. "Мороз и солнце! День чудесный..." Сквозь эту поэтическую строку мы лучше и тоньше воспринимаем солнечную прелесть зимней погоды. В своей книге "Культура и власть" писатель Сергей Есин подчеркивает: "Только поэзия дает формулы бытия. "Быть знаменитым некрасиво", "не спи, не спи, художник" – это из Пастернака. А ведь я могу взять Тютчева, Маяковского, Есенина. Ведь мы созданы из этих формул" [5, с. 175].

Так называемые крылатые выражения – это художественные мини-призмы восприятия жизни, всего окружающего, всего происходящего. Более того, заученные наизусть изумительные стихотворения и отрывки из прозы ("Чуден Днепр при тихой погоде") многие десятилетия развития отечественной школы срабатывали и как реальный противовес грубым и нецензурным словам, попадающим сейчас в пустоту внутреннего мира и правящим в этой пустоте. Но этих строчек (и это главное, пожалуй!) всегда мало даже для начитанных людей, и возвращение к ним, восстановление их, пополнение этого драгоценного духовного фонда, необходимого для внутреннего порядка и покоя, принципиально значимо. Во-вторых, некоторые формулы бытия мы создаем для себя сами, как бы сами готовим себе оружие, лекарство, подспорье, священный код, спасительный... [здесь можно придумать целый веер метафор, и все они будут верны!]. Принцип блоковости означает, что во внутренней речи целесообразно пользоваться готовыми блоками слов (предложениями и их сегментами), но

этот же принцип означает повторительность процедуры использования. Как лекарства мы предпочитаем нами же уже апробированные, так и формулы внутренней речи воздействуют на нас не единожды. Можно ли считать пословицей фразу: "Вышла замуж – терпи!", но, повторенная близким человеком и усваиваемая адресатом как кредо, как заповедь, эта незамысловатая формула бытия превращается в оселок воли, стойкости, достоинства.

Второй принцип внутреннего нашего "словаря на черный день" – метафоричность. Мы вдохновляем себя отнюдь не лозунгами, хотя при определенных условиях лозунги тоже участвуют в аутокоммуникации, например взятый из газетного заголовка лозунг "На работе – работать!" [не бездельничать, не погружаться в бездонные глубины общения с коллегами, не зависать, не обсуждать – работать...]. Кстати, интереснейшая тема для лингвиста – культура лозунга, у этой культуры свои законы и предпочтения, своя история... Лозунг – это частный случай использования в формулах внутренней речи прямых смыслов. Конечно, лозунгами они, как мы уже убедились выше, не исчерпываются. Приведем еще один выразительный пример возможной самокоррекции на уровне прямых смыслов: "Северяне выработали себе мудрое правило: в будни подальше от людей, в праздник поближе к ним" (М.М. Пришвин. В краю непуганых птиц) и продолжим разговор о метафорах.

Как способ выживания метафора требует самого пристального внимания со стороны исследователей языка.

У Чингиза Айтматова читаем: "Чтобы жить на сарозекских разъездах, надо дух иметь, а иначе сгинешь".

У Андрея Платонова есть пронзительная запись: "Чтобы жить в действительности и терпеть ее, нужно все время представлять в голове что-нибудь выдуманное, недействительное".

У Виктора Суворова в романе "Контроль" Настя Стрелецкая напоминает себе, что надо все время отводить мысль от дороги, чтобы ее преодолеть. Здесь вложен и прямой смысл (в тяжелейших условиях преодолевает эта девушка огромное расстояние), и метафорический (думай о чем-нибудь высокоом или хотя бы просто о другом, чтобы не мучили тебя так тяготы пути).

"Каторга! Какая благодать!" – называется одна из глав книги воспоминаний Е.С. Гинзбург. Это строчка из стихотворения Пастернака. Весь свой восемнадцатилетний крутой маршрут Евгения Семеновна прошла со стихами в душе. Самые ужасные обстоятельства способен вынести человек,

если ему есть чем жить внутри себя. Хотя бы стихотворной строкой" [1, с. 148].

"Жак Лиссеран, почувствовавший в концлагере Бухенвальд значение поэзии для жизни и выживания, выразил это следующим образом: "Упражнения в языке вызывают поток энергии в каждой молекуле, из которых я состою, и между молекулами... Этот поток питает меня, помогает мне дышать и петь..." (цит. по: [12, с. 80]).

Итак, человеку в его внутренней речи нужны лично для него экспрессивные метафоры. Как подбирать их?

Рассмотрим третий принцип – напряжение, драматизм формулы. Успокоение часто приходит через подбор слов более драматического, чем свершившееся событие, а то и более трагического звучания:

Что я пожну, когда так страшно сею?

Вар, Вар, верни мне мои легионы!

Кому повею печаль мою?

Раны Господни! – восклицала в тревожные минуты английская королева Елизавета I.

На экспликации драматизма строятся некоторые молитвы. *"Речитативом, вполголоса Евстолия выводила незнакомые слова: "Возоплю в скорби моей к господу богу моему, и услышит меня. Из чрева адова вопль мой, услышит голос мой. Ввергнет меня в глубины сердца морского и все реки обнимут меня. Все высоты твои и волны твои на меня падут..." (В. Белов. Привычное дело).*

Четвертый принцип – злободневность: вовремя сказать себе, а потом и с другим поделиться формулкой, если она удачна, почему мы и считаем, что при внутреннем говорении вырабатывается и закрепляется некий идеальный срез языка, в сонме "черновых", спонтанных аутореплик есть ценнейшие кристаллы общенационального значения.

Тяготы ухода за старым, тяжело больным человеком, когда и характер его становится тоже тяжелым, оказывается, можно выдерживать, повторяя про себя: "Как хорошо, когда в доме живые глаза".

Словосочетание, отпугивающее невозможностью полного воплощения всех рекомендаций, *здоровый образ жизни* попробуем заменить другим: *мягкое лечение*. *Мягкое* – значит безвредное, спокойное, почти незаметное, но ведь потихоньку все-таки исцеляющее.

Абрам Осипович Стернин в своих воспоминаниях пишет: "Мы ужасно переживали, когда дети болели. А наш сосед по дому и коллега по работе в пединституте Захар Александрович Скопец как-то мне сказал: "Дети без болезней не дети!" [10, с. 21].

Доцент кафедры психологии Белгородского государственного университета Александр

Васильевич Кошарный в личной беседе во время волнительной процедуры поступления его сына в университет сказал о своем способе самоуспокоения: "Я в таких случаях говорю: "Часы отсчитают любую ситуацию".

Пятый принцип – потаенность формул. Хотя делиться метафорическими находками, как мы только что сказали, можно и нужно, но все же не это главное, главным остается аутокоррекция. Впрочем, если мы проанализируем, что именно запоминается из многоминутной беседы с человеком, то часто обнаружим, что запоминаются прежде всего чужие формулы самоподдержки.

"Да я с чертом сработаюсь!" – с улыбкой, но и не без гордости говорила однокурсница-аспирантка. Слова запомнились и вспоминались как раз тогда, когда служебные отношения давали трещину.

Шестой принцип – насыщенность, богатство лично спасительных формул-метафор: нужно иметь, из чего выбирать.

Седьмой принцип – некоторая ретроспективность, обращение к старинным корням, доверие к родному языку, опора на национальную идентичность.

На последних двух принципах следует остановиться несколько подробнее.

Сравним: не особенно ярко заимствованное слово "идеал" ("На модном слове *идеал* Тихонько Ленский задремал") и... "светлообраз!" Сравним по степени выразительности слова "культура" и "поведение", "стресс" и "неприятность", "беда", "кручина".

"Человек, который вырастает в некий язык, находится на протяжении всей своей жизни под влиянием своего родного языка, действительно думающего за него... В этом смысле родной язык является судьбой для каждого человека, а язык народа – судьбоносной силой для сообщества" [3, с. 168].

По силе воздействия старинным словам нет равных. Приходилось не единожды наблюдать, как во время отпевания успокаиваются буквально на глазах родственники умершего под звучание древнейших слов: "Плачу и рыдаю, егда помышляю красоту твою, в гробе лежащую".

Подчеркивая особую экспрессию старинных корней, мы подчеркиваем принцип отбора материала для аутокоммуникации, а говоря о насыщенности внутреннего лексикона формулами выживания, тайными и сильными метафорами, подчеркиваем прикладное значение проблемы аутокоммуникации, в частности задача лингвистов – подбирать эти формулы и знакомить окружающих с ними. В одной из своих статей Р.М. Фрумкина заявила, что лингвистика еще не выработала своего идеального проекта [11, с. 28–38]. Представляется, что процедура создания оптимального глосса-

рия аутокоммуникации может претендовать на роль идеального проекта, и вот почему.

Во-первых, в силу "тренированной" или "дисциплинированной" интраспекции самих лингвистов, о чем в той же статье пишет Ревекка Марковна, лингвисты не так редко рефлектируют о своей рефлексии. Автор, правда, отмечает, что даже лингвистами это делается не всегда корректно, и тем не менее подобная *технология* исследования языка отнюдь не оспаривается. Бытовая жизнь лингвиста, особенно лингвиста с широким филологическим кругозором, знающего литературу не только первого ряда и первого слоя, сама жизнь может стать как бы экспериментальной площадкой найденных ученым формул аутокоммуникации.

Во-вторых, кто как не лингвист знает научную злободневность, прелесть различного типа словарей, а ведь человеку в его диалоге с миром и временем, окружающими и окружающим по существу нужно создавать для себя и внутри себя различные типы словарей: и свой рабочий словарь синонимов, и словарик обращений, и словарь пословиц, и словарь крылатых выражений, и словарь диминутивов. И все это должно помниться и хорошо работать в системе "МВД" личности.

В-третьих, именно лингвист может объяснить, почему все это так важно для *не лингвиста*, для любого носителя языка. Гарольд Блум писал о сильных поэтах, которые отличаются тем, что создают свой словарь, после чего другие поэты этот словарь осваивают, работая в его стандартах. Сильная личность, а точнее человек, нацеленный на решение сверхтрудной задачи, тоже должен подготовиться к решению еще и тем, что создать словарь аутокоммуникации, подобрать метафорические шифры ко всем процедурным этапам предстоящей задачи.

С точки зрения методологии или философии заявленная проблема касается такого малоизученного аспекта, как доверие к языку, доверие к способности переописания мира средствами расширенного словаря аутокоммуникации. Философ Аннет Байер, разрабатывает современную версию юмовской философии морали, в основе которой лежит не императив долга, не патерналистическая мораль, а симпатия, доверие друг к другу (матери скорее, чем отцы, делают из детей людей). Если перебросить эту идею на язык, то доверие к языку – это как раз то, чего сейчас так не хватает. Американский философ Ричард Рорти ("Случайность, ирония и солидарность") подчеркнул: "Говорит не мир, говорим мы. Человеческая самость создается через использование того или иного словаря. История культурного развития, история человеческого духа – это история

смены словарей, замена окаменевших метафор на новые, свежие. ...Языки делают, а не находятся, истина является свойством лингвистических формообразований, предложений. <...> Утверждая воображение, а не разум в качестве центральной человеческой способности, романтики выразили сознание того, что главным инструментом культурного развития является скорее талант к разнообразию речи, чем умение аргументировать. То, что почувствовали политические утописты после Французской революции, заключалось... в том, что изменение языков может производить таких людей, которые до сих пор не существовали" (цит. по: [Землянская, 1999, с. 81]).

Почему в этой статье мы не говорим о юморе, ведь иметь запас смехогенных формул для поднятия собственного тона тоже неплохо?

Со всех сторон теснят нас злые гады. / Товарищи, мы в огненном кольце. (Д. Бедный).

Что все твои одеколоны, когда идешь позади колонны? (Козьма Прутков).

Полезешь в комод за рубашкой – и день пропал!

В настоящее время, однако, наблюдается отнюдь не дефицит юмора, а нехватка высокого стиля, в том числе и в процедуре внутреннего нашего говорения, почему мы не ленимся выписывать из книг все то, что способно поднять дух, и это коллекционирование духовных сокровищ – одна из ярких профессиональных черт нашего российского учительства.

Говорят, будто русское дворянство выродилось, я и в Париже это слышала, а я вам скажу обратное: наша кровь самая прочная, потому что мы вынесли все (Ю. Трифонов. Дом на набережной).

Всегда лучше преодолевать сомнения и несчастья, не обходя их и не отстраняя, а проходя сквозь них (Священник Александр Ельчанинов. Записи).

Зачем нужна внутренняя риторика? Стоит ли усложнять и без того сложную и перегруженную ответственностью жизнь? Блестящий ответ на этот вопрос находим в статье И. Медведевой и Т. Шишовой:

"Сейчас часто говорят, что чем сложнее система, тем она устойчивее. Но почему-то не проецируют это положение на человека. А ведь у сложно устроенных людей существует многоуровневая психологическая защита. Нижние уровни дают сбой – активизируются верхние. Особенно это актуально сейчас, когда жизнь так неустойчива, так непредсказуема. <...> Хочется еще вспомнить западного психиатра В. Франкла. Не с чужих слов узнавший кошмар гитлеровского

концлагеря и впоследствии очень много общавшийся с бывшими узниками Дахау и Освенцима, он отмечал, что люди заземленные, с животными интересами погибали в лагере быстрее, чем, казалось бы, хуже приспособленные к жизни альтруисты, мечтатели и священники.

Так что просвещенная душа в наше трудное время не только рудимент, но – залог выживания" [6, с. 4].

Надвигающаяся в последние десятилетия визуальная культура требует намеренно развития культуры вербальной, в том числе и культуры аутокоммуникации, опирающейся прежде всего на национальное самосознание личности. От богатства внутреннего языка зависит степень идентификации личности. Идентификация осуществляется через язык, ибо "то, что мы называем идентичностью, есть в значительной степени языковая идентичность" [8, с. 29].

Литература

1. Ахмадулина Б. Миг бытия / Б. Ахмадулина. – М. : АГРАФ, 1997. – С. 48.
2. Бахтин М.М. Тетралогия / М.М. Бахтин – М. : Лабиринт, 1998. – С. 412.
3. Вайсбергер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсбергер. – М., 1993. – С. 168.
4. Вартбург М. Мозг для желудка / М. Вартбург // Знание – сила. – 1997. – № 11. – С. 50.
5. Есин С.Н. Культура и власть / С.Н. Есин. – М. : Изд-во Литературного института, 1997. – С. 175.
6. Книжное обозрение. -- 2000. – 12 июля. – С. 4.
7. Курьер ЮНЕСКО. – 1991. – Февраль. – С. 25.
8. Рикер П. Торжество языка над насилем. Герменевтический подход к философии права / П. Рикер // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 29.
9. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление / А.Н. Соколов. – М. : Просвещение, 1968. – С. 118–119.
10. Стернин А.О. Диалектика прошлого. Страницы воспоминаний. – Воронеж, 1999. – Ч. 2. – С. 21.
11. Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра / Р.М. Фрумкина. Известия АН. Серия лит. и яз. – 1999. – Т. 58. – № 4. – С. 28–38.
12. Хохлова В.В. Искусство воспитания. Педагогика Рудольфа Штайнера / В.В. Хохлова. – Нижний Новгород : Нижегородский гуманитарный центр, 1998. – С. 80.
13. Luckmann Th. The Sociology of Language. – Indianapolis, 1970. – P. 31.